

УДК 81'27: 8'38

СТУДЕНТКА VS ВОДИТЕЛЬ В ВОЗРАСТЕ, ИЛИ ПОЧЕМУ НИКТО НЕ ЛЮБИТ ЧИТАТЬ ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ¹

Евгения Валентиновна Глазанова

канд. филол. н., старший преподаватель кафедры теории и методики преподавания искусств и гуманитарных наук

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9. e.glazanova@spbu.ru

Статья посвящена проблеме восприятия текста современного официального документа. В рамках социолингвистического опроса участники (носители современного русского языка, 399 человек) отвечали на ряд вопросов, преимущественно направленных на проверку понимания, по текстам трех локальных актов: «Информированного согласия на медицинское вмешательство», «Правил поведения в музее-заповеднике», «Правил приема в вуз». Обсуждаются результаты количественной обработки полученных данных, показана зависимость стратегий ответов респондентов и уровня их языковой компетенции в отношении текста официальных документов от их социальных параметров (возраста, уровня образования, гендера), типа занятости и опыта работы с документами.

Ключевые слова: официальные документы; социолингвистический опрос; социальные параметры; понимание текста; языковая компетенция.

Читать – это еще ничего не значит; что читать и как понимать читаемое – вот в чем главное дело.

К.Д. Ушинский

1. Введение: материал исследования

В рамках проекта «Понятность официального русского языка: юридическая и лингвистическая проблематика» был проведен социолингвистический опрос в виде анкетирования (см. пример анкеты: <https://forms.gle/tDHPsVcotiasqex78>) с целью выявить и проанализировать то, как носители современного русского языка воспринимают официальные тексты, до какой степени они способны понять язык официальных документов и что именно представляет для них трудности при их восприятии. Сбор данных производился с 2018 по 2020 гг. Анкета состояла из трех частей, в каждой из которых респондентам предлагалось ознакомиться с текстом официального документа, представленным полностью («Информированное согласие на медицинское вмешательство», далее обозначается как Анкета-1; «Правила поведения в музее-заповеднике» – Анкета-2) или в виде фрагмента («Правила приема в вуз» – Анкета-3). Участников опроса просили оценить стиль, язык и содержание этих трех документов, а также манеру обращения к читателям, принятую в этих текстах, и ответить на ряд вопросов по каждому. Выбранные для опроса документы

называются локальными актами, то есть издаются конкретными учреждениями, но при этом являются типовыми: практически у любого человека может возникнуть ситуация «столкновения» с подобными текстами, функционирующими в основных социальных сферах – здравоохранении, культуре, образовании.

В опросе приняли участие 399 чел. (299 заполняли анкеты в бумажном виде, 100 – онлайн). Анкету-2 заполнили все 399 респондентов, Анкету-1 – 379 чел., а Анкету-3 – только 306 чел. В основу настоящего исследования легла гипотеза о том, что степень понимания официальных текстов зависит от социальных параметров респондента и его опыта работы с документами, поэтому респондентов при заполнении анкеты просили указать о себе следующие данные: возраст, пол, уровень образования, опыт работы с документами, актуальную занятость (кем работает в последние 5–10 лет). Однако следует заранее оговорить, что часть респондентов не указали о себе всю запрашиваемую информацию или указали ее неточно, поэтому при дальнейшем статистическом анализе полученных данных (при разбиении на группы по социальным параметрам)

Глазанова Е.В.
СТУДЕНТКА VS ВОДИТЕЛЬ В ВОЗРАСТЕ,
ИЛИ ПОЧЕМУ НИКТО НЕ ЛЮБИТ ЧИТАТЬ ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

общее количество респондентов варьирует. Далее мы обсудим критерии разбиения респондентов на группы.

2. Критерии группировки респондентов

Число предложенных в научной литературе периодизаций возраста на данный момент исчисляется десятками (см., например, обзор [Рыжов 2012]), что отражает заметные расхождения во взглядах на установление границ возрастных периодов, а также признаки, на основании которых эти классификации строятся: биологические, психологические, социальные (см., например: [Николаева, Чекина, Денисова 2017: электр. ресурс]). Соответственно, единой общепринятой классификации возрастных периодов не существует, поэтому в рамках данного исследования было решено остановиться на двух принципиально различных вариантах разбиения респондентов на группы по параметру «возраст». Первый вариант (Возраст-1) соответствует современному законодательству РФ и в большей степени ориентируется на социальные параметры:

например, верхняя граница среднего возраста устанавливается по пенсионному возрасту. А второй вариант разбиения (Возраст-2) можно считать биолого-психологическим, поскольку он почти полностью соответствует нормативным международным классификациям возрастных периодов. В Таблице 1 представлены названия и границы возрастных периодов при различном разбиении, а также количество респондентов, попавших в ту или иную возрастную группу².

По уровню образования также было решено ввести два варианта разбиения на группы (Образование-1 и Образование-2), во втором из которых среднее образование делилось на общее и специальное (профессиональное). Респонденты с высшим образованием составили самую многочисленную группу (221 чел.), с неоконченным высшим среди респондентов было 66 чел., со средним образованием – 111 чел. (из них 37 – со средним общим и 74 – со средним профессиональным).

Таблица 1

Группы респондентов по возрасту

Возраст-1		Возраст-2	
Название и граница периода	Кол-во респондентов	Название и граница периода	Кол-во респондентов
Молодежь: 18–35 лет	216	Юношеский возраст: 17–22 лет	87
Средний возраст: – 36–55 лет для женщин – 36–60 лет для мужчин	124	Средний (зрелый) возраст 1 период: 23–35 лет	123
		Средний (зрелый) возраст 2 период: 36–60 лет	140
Пожилый возраст: – старше 55 для женщин – старше 60 для мужчин	53	Пожилый возраст: старше 60 лет	37

По уровню образования также было решено ввести два варианта разбиения на группы (Образование-1 и Образование-2), во втором из которых среднее образование делилось на общее и специальное (профессиональное). Респонденты с высшим образованием составили самую многочисленную группу (221 чел.), с неоконченным высшим среди респондентов было 66 чел., со средним образованием – 111 чел. (из них 37 – со средним общим и 74 – со средним профессиональным).

Известно множество разноплановых и разнообразных классификаций профессиональной деятельности, существенно отличающихся по степени общности, концептуальной обоснованности и области применения (см., например, обзор в [Рубцова 2014]). При этом, несмотря на их количество и разнообразие, остановить выбор на какой-то конкретной довольно затруднительно, так как большая их часть базируется на до сих пор

популярных, но созданных 50–60 лет назад классификациях Е.А. Климова и Дж. Холланда (см., например: [Ковзиридзе 2018]) или является их модификацией с незначительными изменениями. Однако сфера профессионального труда за это время существенно усложнилась и трансформировалась (см.: [Социология профессий 2017]), поэтому в рамках данного проекта было решено распределять респондентов на группы по типу занятости в соответствии с Общероссийским классификатором занятий [ОКЗ: электр. ресурс], который, по крайней мере, реально используется в практике функционирования сферы труда. Респонденты, указавшие, кем они работали в последние 5–10 лет, были распределены на группы занятых в соответствующей области/сфере: бизнес, управление и администрирование (50 чел.); здравоохранение (10 чел.); наука и техника (66 чел.); образование (39 чел.); право, гуманитарные области и культура (37 чел.); обслужива-

ние, торговля и охрана (47 чел.); промышленность, строительство, транспорт (25 чел.); информационно-коммуникационные технологии (15 чел.), не работает (36 чел.); учащийся (53 чел.).

Еще одним социальным параметром, который учитывался при обработке данных, полученных в результате опроса, был гендер: в опросе приняли участие 244 женщины и 155 мужчин.

И последним параметром при разбиении на группы был опыт работы с документами, специфика которого заключается в том, что его субъективно определяли сами респонденты, выбирая из трех предложенных при заполнении опроса вариантов: нет опыта, небольшой, значительный. Респонденты с небольшим опытом работы с документами составили самую многочисленную группу (200 чел.); 101 человек указал, что имеет значительный опыт работы с документами; фактически столько же опрошиваемых (98 чел.) отметили, что опыт работы с документами у них отсутствует.

3. Вопросы анкет и типы ответов на них

В соответствии с инструкцией, если при ответе на какие-то вопросы у респондентов возникали затруднения, они могли поставить в соответствующей графе прочерк (или оставить ячейку незаполненной), в дальнейшем подобные ответы классифицировались как «отказ отвечать», если ответы на вопросы оценивались в баллах, то в такой ситуации респондент получал «0» за ответ. Отказ мог отражать не только нежелание человека отвечать, но и определенное затруднение, возникшее у него при ответе. Таким образом, общее количество отказов, полученное на какой-то вопрос или анкету в целом, может служить показателем их сложности в принципе. По Анкете-1 из общего количества полученных ответов отказы составили 11%, их число в ответах на различные вопросы варьировало от 2,9% до 27,9%. По Анкете-2 процент отказов был 5,8% – от 0,8% до 9,5% по отдельным вопросам. Количество отказов по Анкете-3 было самым большим – 25,2% от общего числа ответов, их число по конкретным вопросам варьировало от 4% до 61,4%.

Вопросы, сопровождавшие тексты трех документов, были разного типа:

- 1) вопросы, направленные на проверку понимания текста (в частности, его языковых особенностей), предполагающие обращение к конкретным пунктам документа;
- 2) вопросы, направленные на выяснение мнения респондентов об организации структуры текста и его возможное редактирование;

3) вопросы, направленные на выяснение мнения респондентов о содержании (информации) и/или предназначении текста;

4) оценочные вопросы, направленные на выявление отношения респондентов к документу в целом и его конкретным языковым особенностям.

Вопросы разного типа были представлены неравномерно в трех частях опроса. Анкета 2 существенно отличалась от двух других: так, вопросы второго типа были представлены только здесь, вопросы первого типа в ней совсем не были представлены, к тому же вопросов третьего и четвертого типа было больше, чем в двух других анкетах.

По форме все вопросы, на которые отвечали респонденты, были открытыми. Поэтому для последующего анализа данных и статистической обработки их приходилось определенным образом кодировать (подробнее о кодировках см. [Глазанова, Руднева 2021]). За ответы на вопросы первых двух типов всегда выставлялись баллы, которые могли варьировать от 0 до 2 в зависимости от правильности, детальности и полноты ответа. Ответы на несколько вопросов третьего типа также оценивались в баллах, если в ответе, помимо выражения мнения, давалось какое-то более подробное обоснование, к примеру, с элементами цитирования текста документа или перечислением конкретных пунктов из него. За ответы на вопросы четвертого типа оценка никогда не выставлялась, поскольку вряд ли можно в принципе говорить об их правильности или неправильности. На основе суммы баллов в последствии определялся уровень языковой компетенции респондента в отношении текста официальных документов.

Ответы на вопросы третьего и четвертого типа, проверяющие понимание общих характеристик текста и представляющие мнения и оценочные суждения участников, всегда кодировались как текстовые переменные, которые обобщали «версии» ответов или «мнения». Например, разнообразные варианты ответов на вопрос «Как бы Вы охарактеризовали тон обращения администрации музея к посетителям?» (Анкета-2) распределялись на следующие три категории: «негативное», «нейтральное»; «позитивное» отношение. Если ответы на вопросы второго типа кодировались в виде текстовых переменных, что происходило крайне редко, то «версии» обобщали мнения участников об организации текста. Ответы на вопросы первого типа всегда кодировались в виде текстовых переменных, в которых были отражены ведущие стратегии, которые респон-

денты демонстрировали в процессе работы с документами: отвечать по тексту, дать формальный ответ, ответить из общих соображений.

Для статистического анализа ответов, оцененных в баллах, использовался дисперсионный анализ с *posthoc* попарным сравнением средних, а для текстовых переменных – таблицы сопряженности и критерий χ -квадрат Пирсона [Pingouin: электр. ресурс]³.

4. Стратегии ответов

Рассмотрим ответы на вопросы первого типа (на проверку понимания текста), которых в опросе было подавляющее большинство, но представлены они были в первой и третьей анкетах. Помимо буквального отказа отвечать, у некоторых респондентов при ответе на часть вопросов наблюдалась стратегия давать весьма формальный, малосодержательный ответ (например, *ознакомился*), что тоже косвенным образом может свидетельствовать о возникавших у них затруднениях. Больше всего формальных ответов (19% от общего количества) наблюдалось при ответе на вопросы Анкеты-1. Текст «Информированного согласия» был представлен в опросе самым первым, поэтому, возможно, многие респонденты еще старались ответственно подходить к заданию, отвечая по каждому вопросу хоть что-либо даже в той ситуации, когда понимание текста вызывало у них сложности. Количество формальных ответов на вопросы Анкеты-3 («Правила приема») было совсем небольшим (1,8% от общего количества ответов), однако многие респонденты, которые вполне успешно справлялись с вопросами по первым двум документам, третью анкету отказывались заполнять вовсе (93 чел.), либо ставили много прочерков (25,2% отказов), что свидетельствует о ее наибольшей сложности для участников опроса.

Стратегия отвечать по тексту требовала от респондентов определенных усилий, так как подразумевала необходимость вчитываться и как-то анализировать текст. При ответах на вопросы Анкеты-1 она наблюдалась в 36,7%, а при ответе на вопросы Анкеты-3 – в 44,9% случаев. Таким образом, по тексту «Правила приема» подобных ответов в принципе было больше, чем по тексту «Информированное согласие», а формальных ответов, как уже говорилось, существенно меньше, несмотря на большую сложность для восприятия самого документа. Возможно, это связано с формой и характером вопросов, представленных в данной части опроса: в большинстве случаев они подразумевали прочтение какого-то

довольно небольшого по объему отрывка, к которому задавался конкретный вопрос. В первой же анкете текст «Информированного согласия» был представлен целиком, а потом шла серия вопросов, которая требовала обращения к каким-то конкретным пунктам документа.

Стратегию отвечать буквально по тексту можно противопоставить менее «затратной» стратегии отвечать исходя из собственного жизненного опыта и фоновых знаний. В ответах на первую анкету она была представлена в 7,8% случаев, в ответах на третью – в 17,5%, что также вполне логично, учитывая, что текст документа, представленного в данной анкете, был для респондентов в целом сложнее, что провоцировало их чаще отвечать из общих соображений, а не «сражаться» с текстом.

5. Групповая вариативность стратегий

Как уже говорилось выше, для количественного анализа текстовых переменных использовались таблицы сопряженности, т. е. анализировалось различие между реально наблюдаемыми частотами ответов в группах респондентов, распределенных по тому или иному параметру (возраст, образование, гендер и т. п.), и ожидаемыми «гипотетическими» частотами. При существенном различии ожидаемых и наблюдаемых частот мы можем говорить о достоверности различий по методу χ -квадрат Пирсона, соответственно, можем утверждать, что тот или иной социальный параметр статистически значимо влияет на тип ответа респондента (в нашем случае речь идет о стратегии ответа). Стратегии отвечать формально или не отвечать будут объединены далее при рассмотрении, так как по сути они отражают одно и то же – наибольшую степень затруднений, возникших у респондентов в процессе ответа. Стратегия отвечать исходя из фоновых знаний в каком-то смысле также указывает на сложности при работе с документом: фактически респондент, не справившись с поставленной перед ним задачей или не особо вникая в конкретные детали представленного текста или его фрагмента, отвечает нечто вполне осмысленное, но не связанное буквально с самим текстом. Выбор стратегии отвечать по тексту потенциально в большей степени отражает языковую компетенцию, но, как будет показано ниже, ее уровень может быть различным, что видно по количеству баллов, набранных респондентами за ответы.

Сразу оговорим, что по каждой из трех анкет в отдельности, а также по опросу в целом наблюдались статистически значимые ($p=0,00$) отклонения распределений частот стратегии от-

вета респондентов от ожидаемых при всех обозначенных выше вариантах разбиения на подгруппы по всем социальным параметрам, т. е. выбор вышеописанных стратегий ответа зависит от социальных параметров респондентов, но, как мы увидим, не всегда однозначно. Далее при обсуждении конкретных параметров будут обозначены преимущественно ситуации существенных отклонений наблюдаемых частот от ожидаемых, указывается процент ответов данного типа от общего числа ответов респондентов данной подгруппы.

5.1. Возраст

Возраст-1. Чаще всего стратегией «по тексту» при ответах пользовались молодые люди (Анкета-1 – 51,3%, Анкета-3 – 55,6%), а реже всего – респонденты среднего возраста (Анкета-1 – 46,2%, Анкета-3 – 43,6%). Распределение двух других стратегий несколько различается по анкетам. При ответе на вопросы Анкеты-1 чаще всего использовали стратегию отвечать исходя из собственного жизненного опыта пожилые респонденты (17,3%), а при ответе на вопросы Анкеты-3 – представители среднего возраста (24,3%). Формальных ответов и отказов при ответах на Анкету-1 меньше всего было у пожилых (33,6%), но при ответах на Анкету-3 таких ответов у них отмечается больше всего (36,7%), реже всего данную стратегию использовали представители молодежи (26,7%).

Возраст-2. Ответы на вопросы Анкеты-1 «по тексту» чаще всего давала группа «юношеский возраст» (54,7%), а реже всего – группа «средний возраст 2 период» (45,3%). Меньше всего формальных ответов и отказов отмечалось у пожилых (29,9%), у них же больше всего ответов исходя из фоновых знаний (17%). По стратегиям ответов на вопросы Анкеты-3 ситуация чуть иная. Чаще использовали стратегию «по тексту» представители среднего возраста 1 периода (57,7%), у них же меньше всего формальных ответов и отказов (24,7%). Меньше всего ответов «по тексту» у респондентов среднего возраста 2 периода (43%), а ответов исходя из фоновых знаний у них больше всего (23,8%).

Таким образом, в целом можно говорить лишь о том, что молодые люди (группы «молодежь» и «юношеский возраст») использовали стратегию «по тексту» чаще, чем люди среднего и пожилого возраста, но имеются исключения. Что касается двух других стратегий ответа – однозначной зависимости от возраста респондентов выявить не удалось.

5.2. Образование

Образование-1. При ответах на вопросы на обеих анкетах чаще всего стратегией «по тексту» пользовались респонденты с неоконченным высшим образованием (Анкета-1 – 59,2%, Анкета-3 – 61,5%), а реже всего к такой стратегии прибегали люди со средним образованием (Анкета-1 – 40,5%, Анкета-3 – 33%). Кроме того, у респондентов последней группы наблюдается больше всего формальных ответов и отказов (Анкета-1 – 47,2%, Анкета-3 – 44,9%). Стратегия ответов исходя из фоновых знаний реже всего использовалась группой с неоконченным высшим образованием (Анкета-1 – 8%, Анкета-3 – 15,1%).

Образование-2. Чаще всего формальные ответы и отказы встречались у респондентов со средним общим образованием при ответах на вопросы обеих анкет (Анкета-1 – 52,1%, Анкета-3 – 52,7%), у этой же группы реже всего отмечается стратегия ответов по тексту (Анкета-1 – 37,9%, Анкета-3 – 26,8%); чаще всего такие ответы фиксировались у респондентов с неоконченным высшим образованием (Анкета-1 – 59,2%, Анкета-3 – 61,5%). Ответов, основанных на стратегии «фоновых знаний», при заполнении Анкеты-1 меньше всего отмечено у группы со средним общим образованием (7,1%), при заполнении Анкеты-3 – у респондентов с неоконченным высшим образованием (15,1%).

Параметр «образование-2» не является принципиально иным способом разбиения респондентов на группы, как в ситуации с параметром «возраст»: фактически параметр «образование-2» вносит лишь некоторые уточнения в результаты, полученные по параметру «образование-1»; выделенная группа людей со средним общим образованием занимает лидирующие позиции по формальным ответам, а ответов, построенных в соответствии со стратегией «по тексту» демонстрирует меньше всего, респонденты же с неоконченным высшим чаще всего отвечают «по тексту».

5.3. Гендер

При ответе на обе анкеты мужчины значительно реже отвечают «по тексту» (Анкета-1 – 44,6%, Анкета-3 – 44,5%); у них чаще встречаются ответы исходя из жизненного опыта (Анкета-1 – 11,5%, Анкета-3 – 23%) и больше формальных ответов и отказов, чем у женщин. Причем формальных ответов и у мужчин, и у женщин при ответах на вопросы первой анкеты больше, чем при ответе на вопросы третьей.

5.4. Тип занятости

В Таблице 2 представлено распределение стратегий ответов респондентов по группам в зависимости от типа занятости (указан процент данного типа ответа от общего числа ответов в подгруппе; существенные отклонения наблюдаемых частот от ожидаемых выделены полужирным шрифтом).

Как видно из Таблицы 2, больше всего ответов, построенных в соответствии со стратегией «по тексту», в обоих случаях наблюдалось у группы учащихся (Анкета-1 – 62,7%, Анкета-3 – 67,2%), меньше всего таких ответов было у занятых в сфере промышленности, строительства и транспорта (Анкета-1 – 39,2%, Анкета-3 – 32,9%). Формальных ответов и отказов меньше всего было у учащихся (Анкета-1 – 27,5%, Анкета-3 – 18,8%), а больше всего опять же у занятых в сфере промышленности, строительства и транспорта (Анкета-1 – 52,4%, Анкета-3 – 51%).

Что касается третьего варианта стратегии, то результаты получились неоднозначные. Больше всего ответов исходя из фоновых знаний при заполнении Анкеты-1 было у группы занятых в области здравоохранения (14,6%) (что не удивляет, ведь это сфера их профессиональной компетенции, поэтому они отвечали, не вчитываясь,

но, как будет видно из следующего раздела, довольно правильно) и у группы занятых в области бизнеса, управления и администрирования (13,9%); меньше всего таких ответов было у занятых в сфере информационно-коммуникационных технологий (6%). При заполнении Анкеты-3 данную стратегию ответа чаще всех выбирали занятые в сфере обслуживания, торговли и охраны (25%), а реже всех – занятые в области права, гуманитарных областей и культуры (12,5%).

5.5. Опыт работы с документами

При ответе на обе анкеты у группы людей с небольшим опытом работы с документами было больше всего ответов, построенных по стратегии «по тексту» (Анкета-1 – 54%, Анкета-3 – 55,7%) и меньше всего формальных ответов и отказов (Анкета-1 – 34,3%, Анкета-3 – 26,4%). Напротив, у людей с отсутствием опыта работы с документами было больше всего формальных ответов и отказов (Анкета-1 – 46,4%, Анкета-3 – 39,8%) и меньше всего ответов «по тексту» (Анкета-1 – 42,3%, Анкета-3 – 38,6%). Группа «экспертов» стабильно занимала промежуточные позиции. Ответов исходя из фоновых знаний у всех трех групп респондентов было приблизительно одинаковое количество.

Таблица 2

Частота типа стратегии в группах по сферам занятости, %

Тип занятости	Исходя из фоновых знаний		Формальный ответ или отказ		По тексту	
	Анкета-1	Анкета-3	Анкета-1	Анкета-3	Анкета-1	Анкета-3
Бизнес, управление и администрирование	13,9	20,2	33,3	25,0	50,7	54,8
Здравоохранение	14,6	18,8	32,6	35,0	52,8	46,2
Наука и техника	13,2	23,5	42,6	28,9	42,5	47,5
Образование	9,0	19,2	38,	27,5	50,6	53,3
Право, гуманитарные области и культура	8,9	12,5	32,5	26,4	56	61,1
Информационно-коммуникационные технологии	6,0	17,0	47,0	22,7	43,6	60,2
Обслуживание, торговля, охрана	11,8	25,0	41,2	32,5	45,8	42,5
Промышленность, строительство, транспорт	7,1	16,1	52,4	51,0	39,2	32,9
Не работает	6,9	22,5	47,5	41,7	43,1	35,8
Учащийся	8,6	14,1	27,5	18,8	62,7	67,2

6. Степень понимания документов

Как уже говорилось выше, сумма баллов, полученных каждым респондентом по каждой из анкет в отдельности и по всем анкетам вместе, в определенной степени отражает степень понимания представленных документов и компетенцию респондентов при работе с текстом в целом. Чем больше сумма баллов, тем успешнее респондент заполнил анкету или все анкеты, соответственно, тем выше уровень его языковой компетенции в отношении текста официальных документов. И наоборот, чем меньше баллов набрал человек, тем сложнее для него была рабо-

та с официальными документами, тем хуже он справлялся с ответами на вопросы. Наличие значимых различий между распределениями ответов в зависимости от определенного социального параметра определялось с помощью дисперсионного анализа; далее проводились пост-хок парные сравнения средних для выявления статистически значимых различий полученных сумм баллов между отдельными подгруппами респондентов.

Рассмотрим, наблюдается ли зависимость уровня языковой компетенции от социальных параметров респондентов. По баллам, набранным

участниками опроса при ответе на каждую из трех анкет в отдельности, а также по сумме баллов, полученной респондентами в целом за весь опрос, наблюдались статистически значимые различия по всем социальным параметрам при всех обозначенных выше вариантах разбиения ($p < 0,05$). Исключение составляет Анкета-2, для которой «не сыграл» фактор «возраст» (при обоих вариантах разбиения на периоды). Далее укажем только те подгруппы, полученные при разбиении респондентов по указанным социальным параметрам, для которых были выявлены значимые различия средних при попарном сопоставлении.

6.1. Возраст

Возраст-1. Уровень компетенции группы «молодежь» был значимо выше, чем людей среднего возраста (средняя сумма баллов по Анкете-1 – 4,92 vs 4,26, $p=0,045$; по Анкете-3 – 3,82 vs 2,91, $p=0,002$; по всему опросу – 11,12 vs 9,43, $p=0,01$). Для ответов на вопросы третьей анкеты также было получено значимое различие уровня компетенции молодых людей и людей пожилого возраста (средняя сумма баллов в подгруппах 3,82 vs 3,01, $p=0,031$).

Возраст-2. Уровень компетенции респондентов среднего возраста 1 периода был значимо выше, чем в подгруппе людей среднего возраста 2 периода по Анкете-3 (3,98 vs 2,9, $p=0,003$) и по всему опросу в целом (11,14 vs 9,33, $p=0,027$), а также значимо выше уровня компетенции людей пожилого возраста по Анкете-3 (3,98 vs 2,92, $p=0,022$). Также было выявлено значимое различие между группами «юношеский возраст» и «средний возраст 2 период» по Анкете-3 (3,72 vs 2,9, $p=0,022$) и по всему опросу в целом (11,34 vs 9,33, $p=0,027$).

В целом можно говорить о том, что молодые люди («молодежь» и «юношеский возраст») отвечали лучше, чем люди среднего и пожилого возраста (исключение составляет Анкета-3). Однако однозначной тенденции зависимости уровня компетенции от возраста респондентов выявить не удалось. Например, часто респонденты пожилого возраста получали больше баллов, чем ближайшая им по возрасту (при обоих вариантах разбиения на периоды) группа среднего возраста (исключение составляет Анкета-2).

6.3. Гендер

Наблюдались значимые различия между суммами баллов, полученными женщинами и мужчинами по всем трем анкетам отдельно и по опросу в целом: средняя сумма баллов по Анкете-1 – 4,91 vs 4,2 ($p=0,04$), по Анкете-2 – 3,54 vs 3,11 ($p=0,033$), по Анкете-3 – 3,65 vs 3,06 ($p=0,015$), по

всему опросу – 10,96 vs 9,5 ($p=0,007$). Таким образом, можно говорить о том, что в целом в рамках данного исследования женщины продемонстрировали значимо более высокий уровень языковой компетенции, чем мужчины.

6.2. Образование

Образование-1. Уровень компетенции группы людей со средним образованием был значимо ниже ($p=0,000$), чем у группы с неоконченным высшим образованием по всем трем анкетам по отдельности и по опросу в целом: средняя сумма баллов по Анкете-1 – 3,41 vs 5,63, по Анкете-2 – 2,43 vs 4,00, по Анкете-3 – 2,05 vs 4,14, по всему опросу – 7,3 vs 12,48. Аналогично уровень компетенции данной группы (людей со средним образованием) был значимо ниже уровня компетенции респондентов с высшим образованием ($p=0,000$): средняя сумма баллов по Анкете-1 – 3,41 vs 4,99, по Анкете-2 – 2,43 vs 3,67, по Анкете-3 – 2,05 vs 3,92, по опросу в целом – 7,3 vs 11,37. При анализе ответов на вопросы Анкеты-1 было выявлено статистически значимое различие в распределениях баллов группы с неоконченным высшим образованием и группы с высшим образованием ($p=0,047$), причем уровень компетенции первых оказался выше (5,63 vs 4,99).

Образование-2. Напомним, что группа лиц со средним образованием в данном случае была разбита на две подгруппы – со средним общим и средним специальным образованием, а группы с неоконченным высшим и высшим образованием оставались такими же, как и при предыдущем варианте разбиения. Результаты анализа распределений баллов были схожи с результатами при первом варианте разбиения на группы: уровень компетенции группы людей со средним общим образованием был значимо ниже ($p=0,000$), чем у групп с неоконченным высшим и высшим образованием; уровень компетенции группы со средним специальным образованием ($p=0,000$) также был значимо ниже ($p=0,000$), чем у групп с неоконченным высшим и высшим образованием по всем трем анкетам отдельно и по опросу в целом.

Как видно из Таблицы 3, наблюдается однозначная тенденция: люди со средним общим образованием отвечают на вопросы в среднем хуже, чем люди со средним специальным образованием, которые в свою очередь отвечают хуже, чем люди с высшим образованием, а люди с неоконченным высшим отвечают лучше всех. Но статистически значимых различий между группами со средним образованием (общим и специальным), а также между группами с высшим и неоконченным высшим не наблюдается (за исключением баллов по Анкете-1, см. выше).

Таблица 3

Средние суммы баллов у респондентов в зависимости от уровня образования

Уровень образования	Анкета-1	Анкета 2	Анкета-3	В целом
Среднее общее	2,93	2,27	1,63	6,27
Среднее специальное	3,64	2,51	2,26	7,82
Высшее	4,99	3,67	3,92	11,37
Неоконченное высшее	5,63	4,00	4,14	12,48

6.4. Тип занятости

Уровень компетенции учащихся был значимо выше, чем у неработающих (Анкета-1 – $p=0,001$, Анкета-2 – $p=0,003$, Анкета-3 – $p=0,00$, опрос в целом – $p=0,001$), занятых в сфере промышленности, строительства и транспорта (Анкета-1 – $p=0,002$, Анкета-2 – $p=0,008$, Анкета-3 – $p=0,00$, опрос в целом – $p=0,00$), сфере науки и техники (Анкета-1 – $p=0,014$, Анкета-2 – $p=0,006$, Анкета-3 – $p=0,001$, опрос в целом – $p=0,009$), обслуживании, торговле и охране (Анкета-1 – $p=0,005$, Анкета-3 – $p=0,00$, опрос в целом – $p=0,005$), сфере здравоохранения (Анкета-3 – $p=0,024$).

Уровень компетенции занятых в области права, гуманитарных областей и культуры был значимо выше, чем у не работающих (Анкета-1 – $p=0,009$, Анкета-2 – $p=0,025$, Анкета-3 – $p=0,003$, опрос в целом – $p=0,013$), занятых в сфере промышленности, строительства и транспорта (Анкета-1 – $p=0,012$, Анкета-3 – $p=0,001$, опрос в целом – $p=0,007$), обслуживании, торговле и охране (Анкета-1 – $p=0,0445$, Анкета-3 – $p=0,024$).

Уровень компетенции занятых в области бизнеса, управления и администрирования был значимо выше, чем у не работающих (Анкета-1 – $p=0,042$, Анкета-3 – $p=0,012$, опрос в целом – $p=0,042$) и занятых в сфере промышленности, строительства и транспорта (Анкета-1 – $p=0,049$, Анкета-3 – $p=0,006$, опрос в целом – $p=0,021$).

Уровень компетенции занятых в сфере информационно-коммуникационных технологий был

значимо выше, чем у не работающих (Анкета-2 – $p=0,013$, Анкета-3 – $p=0,046$) и занятых в сфере промышленности, строительства и транспорта (Анкета-2 – $p=0,025$, Анкета-3 – $p=0,032$).

Уровень компетенции занятых в области образования был значимо выше, чем у не работающих (Анкета-3 – $p=0,013$) и занятых в сфере промышленности, строительства и транспорта (Анкета-3 – $p=0,006$, опрос в целом – $p=0,03$).

Уровень компетенции занятых в сфере промышленности, строительства и транспорта был ниже, чем у занятых в сфере науки и техники (Анкета-3: $p=0,035$).

В Таблице 4 представлены средние суммы баллов по группам по типу занятости. Видно, что хуже всех отвечали неработающие, а также занятые в сфере промышленности, строительства и транспорта, как и в сфере обслуживания, торговле и охране. Стабильно лучше отвечали учащиеся, занятые в области права, гуманитарных областей и культуры (именно в этой группе были юристы и филологи), бизнеса, управления и администрирования (в этой группе были люди, постоянно работающие с документами на руководящих должностях) и занятые в сфере информационно-коммуникационных технологий. На вопросы Анкеты-1 («Информированное согласие») предсказуемо хорошо отвечали занятые в области здравоохранения, но, так как это была самая малочисленная группа, возможно, пост-хок тесты могли не выявить значимых различий с другими группами.

Таблица 4

Средние суммы баллов в зависимости от типа занятости

Тип занятости	Анкета-1	Анкета 2	Анкета-3	В целом
Учащийся	5,83	4,27	4,65	13,17
Право, гуманитарные области и культура	5,49	3,89	4,19	11,99
Информационно-коммуникационные технологии	4,58	4,80	4,27	11,90
Бизнес, управление и администрирование	5,01	3,47	4,01	11,21
Образование	4,79	3,45	3,80	11,04
Здравоохранение	5,30	2,65	2,65	10,60
Наука и техника	4,43	3,05	3,22	9,90
Обслуживание, торговля, охрана	4,11	3,29	2,83	9,33
Не работает	3,56	2,43	2,20	7,82
Промышленность, строительство, транспорт	3,58	2,70	2,00	7,66

Следует отметить, что распределение респондентов по типу занятости в данной работе производилось без учета квалификации, а подобный вариант разбиения мог бы существенно изменить результаты. В работе [Рубцова 2014] предлагается новая, довольно полная и непротиворечивая обобщенная психологическая классификация профессиональной деятельности с учетом квалификации и опыта работы, однако имеющихся у нас данных о респондентах было недостаточно, чтобы ей воспользоваться (участники опроса не предоставляли подобную информацию о себе, сообщая лишь, кем они работали в последние 5–10 лет).

6.5. Опыт работы с документами

Уровень компетенции группы людей с небольшим опытом работы с документами был значимо выше ($p=0,000$), чем у людей с отсутствием опыта такой работы по всем трем анкетам отдельно и по опросу в целом: средняя сумма баллов по Анкете-1 – 5,14 vs 3,8, по Анкете-2 – 3,81 vs 2,74, по Анкете-3 – 3,71 vs 2,64, по всему опросу – 11,55 vs 8,22. Аналогично у людей со значительным опытом работы с документами сумма баллов была значимо выше, чем у людей с отсутствием опыта по Анкете-3 (3,57 vs 2,64, $p=0,01$) и по всему опросу в целом (10,22 vs 8,22, $p=0,006$). Парадоксально, но уровень компетенции группы людей с небольшим опытом работы с документами был значимо выше, чем у людей со значительным опытом работы с документами по Анкете-1 (5,14 vs 4,43, $p=0,02$), по Анкете 2 (3,81 vs 3,12, $p=0,005$) и по опросу в целом (11,55 vs 10,22, $p=0,038$). Исключение составляет только Анкета-3, которая, как уже говорилось, оказалась существенно труднее для всех отвечавших, но даже по ней у группы людей с небольшим опытом работы с документами средний балл по группе (3,71) выше, чем у людей со значительным опытом работы с документами (3,57), однако различие средних статистически незначимо. Таким образом, по всем анкетам отдельно и по опросу в целом прослеживается следующая тенденция: лучше всех отвечают люди с небольшим опытом работы с документами, хуже всего – люди с отсутствием опыта работы с документами, а группа «экспертов» стабильно набирает среднее количество баллов.

7. Выводы

Проведенное исследование позволило сделать выводы относительно стратегий ответов респондентов на вопросы анкет и уровня понимания текста, т. е. языковой компетенции читающих.

Что касается связи стратегии ответа и социальных параметров респондентов, можно говорить о том, что стратегию ответов «по тексту» чаще используют молодые, с неоконченным выс-

шим образованием, учащиеся, женщины, с небольшим опытом работы с документами (тип «студентка»). Меньше всего ответов, построенных согласно стратегии «по тексту», наблюдается у респондентов среднего возраста / среднего возраста 2 периода, со средним образованием / средним общим образованием, занятых в сфере промышленности, строительства и транспорта, мужчин, с отсутствием опыта работы с документами. Если их чуть «состарить», то у них же наблюдается больше всего формальных ответов и отказов (тип «рабочий-строитель / водитель в возрасте»). Что касается третьего варианта стратегии – отвечать исходя из фоновых знаний и жизненного опыта, то тут какой-то определенной зависимости не проявилось и результаты получились неоднозначные.

Если рассматривать все отдельные вопросы по всем анкетам, учитывая варианты кодировок с текстовыми переменными и с баллами (для ответов на многие вопросы анкет использовались оба варианта), то параметр «образование» чаще всего оказывался значимым («образование-2» – в 81%, «образование-1» – в 77%); «возраст» давал значимое различие по подгруппам реже всего («возраст-1» – в 26%, «возраст-2» – в 30%), причем какое из разделений на возрастные группы оказалось более удачным, сказать затруднительно; остальные параметры то давали, то не давали значимых различий («опыт работы с документами» – в 57%, «тип занятости» – в 49%, «гендер» – в 34%).

В целом результаты количественной обработки данных опроса дают возможность говорить о том, что социальные параметры оказывают значимое влияние на выбор стратегии ответа и на успешность заполнения анкет (количество набранных баллов). Лучше всего с ответами на вопросы справлялись самые молодые респонденты, являющиеся учащимися вузов. Несмотря на их небольшой опыт работы именно с официальными документами, они часто имеют дело с текстами в принципе, а также, вероятно, привыкли выполнять любые учебные задания, поэтому реже отказывались отвечать и чаще давали ответы в соответствии со стратегией «по тексту». Люди более старшего возраста, с высшим образованием, часто имеющие значительный опыт работы с документами, отвечали в целом значительно хуже.

В работе Е.В. Мурановой языковая компетенция определяется как «владение знаниями о закономерностях языковой системы, а также практическими навыками в уместном применении законов функционирования языка с целью успешного осуществления речемыслительной деятельности» [Муранова 2015: 89], а языковая компетентность как «готовность и способность личности приме-

нять имеющиеся языковые знания, умения и навыки в различных ситуациях общения для успешной и своевременной реализации поставленных самой личностью и/или обществом задач» [там же: 89]. Вероятно, можно говорить о том, что, несмотря на потенциально высокий уровень языковой компетенции у многих участников опроса, они не всегда были готовы и/или способны ее проявлять, т. е. не всегда компетенция переходит в компетентность.

Примечания

1 Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 19-18-00525 «Понятность официального русского языка: юридическая и лингвистическая проблематика».

2 В опросе приняло участие трое «престарелых» людей в возрасте 80 лет и старше, формально попадающих уже не в категорию «пожилой возраст», верхняя граница которой чаще обозначается как 75–80 лет. Однако, учитывая то, что в современном мире на практике все труднее разграничить отдельные периоды старения (см. подробнее: [Лантюхова 2015]), и то, что анкеты эти респонденты заполняли вполне адекватно и полно, было решено при обработке данных включить их в группу пожилых.

3 Автор статьи выражает благодарность И.С. Князевой, доценту факультета свободных искусств и наук СПбГУ, за написание программ статистической обработки данных.

Список литературы

Глазанова Е.В., Руднева Е.А. Социолингвистический опрос о понятности официального языка: принципы типизации ответов // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное / отв. ред. Л.В. Рацибурская. М.: ФЛИНТА, 2021. С.166–174.

Ковзиридзе М.А. Профессиография и психологические основы профессиоведения. М.: Рос. ун-т транспорта (МИИТ), 2018. Ч. 1. 60 с.

Лантюхова Н.Н. Некоторые проблемы возрастной периодизации развития личности в современных научных исследованиях // Современная наука: опыт, проблемы и перспективы развития. Нефтекамск: НИЦ «Наука и образование», 2015. С. 53–55. [Электронный ресурс]. URL: http://science-peace.ru/files/SN_2015.pdf (дата обращения: 22.09.2021).

Муранова Е.В. К вопросу о содержании понятий «языковая компетенция» и «языковая компетентность» // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 4(13). С. 88–91.

Николаева Э.Ф., Чекина Л.Ф., Денисова Е.А. Возрастная психология. Тольятти: Изд-во Тольят. гос. ун-та, 2017. 91 с. [Электронный ресурс]. URL: https://dspace.tltsu.ru/bitstream/123456789/6212/1/Денисова_1-74-16-ei-Z.pdf (дата обращения: 22.09.2021).

ОКЗ – Общероссийский классификатор занятий: Классификатор ОК 010-2014 (МСКЗ-08) с изменением № 1 от 1 марта 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://classifikators.ru/okz> (дата обращения: 22.09.2021).

Рубцова Н.Е. Интегративно-типологический подход к психологической классификации профессиональной деятельности: дис. ... д-ра психол. наук. Ярославль, 2014. 538 с.

Рыжов Б.Н. Системная периодизация развития // Системная психология и социология. 2012. № 5(1). С. 5–24.

Социология профессий / под ред. Л.А. Лебединцевой. М.: Юрайт, 2017. 273 с.

Pingouin: an open-source statistical package. [Электронный ресурс]. URL: <https://pingouin-stats.org> (дата обращения: 22.09.2021).

FEMALE STUDENT VS ELDERLY DRIVER, OR WHY NO ONE LIKES TO READ OFFICIAL DOCUMENTS

Evgeniya V. Glazanova

Assistant Professor, Theory and Methodology for Teaching Arts and Humanities Department
St. Petersburg State University

The paper deals with the problem of comprehending texts of current official documents. As part of a sociolinguistic survey, participants (speakers of modern Russian, 399 people) answered a series of questions, mainly aimed at testing comprehension, on the texts of three local acts: “Informed Consent for Medical Intervention”, “Rules of Conduct in the Museum-Reserve”, and “Rules of Admission to University”. The article discusses the results of quantitative processing of the obtained data, shows the dependence of the respondents’ response strategies and the level of their language competence in relation to the texts of official documents on their social parameters (age, education level, gender), type of employment and experience in working with documents.

Keywords: official documents; sociolinguistic survey; social parameters; text comprehension; language competence.